

Солженицын
Александр

1.03.2004

Моск. Комсомолец
1 марта 2004 г. — с. 10

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Наша редакция получила письмо. Вообще-то "МК" получает множество писем, но публикуем мы их лишь малую толику, причем по самой банальной причине: из-за нехватки места. Но тут — делаем исключение. Так сказать, из уважения к заслугам. Письмо мы печатаем с некоторыми сокращениями (причина та же: нехватка места), никак не меняющими его смысл. Зато мы полностью сохраняем лексические и синтаксические особенности этого послания.

К вопросу
о советских нравах,
хамстве
и прочем таком

ИЗ ПАРИЖА! ПО ДЕЛУ! СРОЧНО!

КОММЕНТАРИЙ

Не станем заострять внимание на едва скрытой угрозе (и шантаже), содержащейся в постскрипту. Во-первых, потому что к угрозам мы привыкли. Кроме того, недавно полученное нами письмо от г-жи Гинзбург датировано 1 октября прошлого года. Следовательно, за минувшие с той поры месяцы никто не захотел его опубликовать — даже с упоминанием о том, что изначально оно было предназначено именно "МК". С чего бы это?

Так что оставим в стороне угрозу (и шантаж). К тому же не исключено, что мы чего-то не так поняли. Обратимся к сути.

Я тоже хорошо помню "газетные нравы советских времен". Комический эффект письма г-жи Гинзбург состоит в том, что оно удивительным образом напоминает заказанные агитпропом отповеди всевозможным "отщепенцам" и "клеветникам". Эти отповеди никогда не снисходили до спора с инакомыслящими по существу, подменяя его ярлыками ("антисоветчик", "литературный власовец" и т.п.) и "аргументами" типа: "Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, и даже в области балета мы впереди планеты всей".

Из аналогичных "аргументов" состоит и письмо г-жи Гинзбург. Собственно, аргумент один: созданный Солженицыным Фонд помощи политзаключенным в СССР. Действительно, об этом Фонде я не писал. Может быть, и стоило, каюсь. Но писал-то я совсем о другом.

В нескольких моих статьях, посвященных двухтомнику Солженицына "200 лет вместе", речь шла о том, что А.И. фальсифицирует отечественную историю, подгоняя ее под свою сверхзадачу. Сверхзадача же Солженицына — убедить читателей, будто за 200 лет сосуществования в одном государстве злокозненные евреи до 1917 года спаивали несчастный русский народ, а после революции, непомерно участвуя в карательных органах, — уничтожали его физически. Ну и кроме того: во время обеих мировых войн российские евреи прятались в тылу, поскольку в армии служить не хотели, испоганили русскую и советскую культуру... И далее, по полной программе.

Если все это — не ксенофобия, то я чего-то не понимаю.

По-моему, мне, "образованцу", все-таки удалось уличить "живого классика" в открытой лжи, подтасовках и передергивании. Не случайно "сам" А.И. расщедрился на ответ, опубликованный разом в двух российских газетах. Правда, ответ (опять же) был совсем о другом: о том, как его, Солженицына, всю жизнь преследовал КГБ, и что травля эта продолжается по сей день — с помощью таких журналистов, как Дейч.

Парижское письмо г-жи Гинзбург — из той же серии. Она недоумевает, почему это ошибались те, кто считал А.И. "борцом с тоталитарной властью". Между тем эту фразу г-жа Гинзбург, следуя апробированной манере "специалистов" из агитпропа, выдергивает из контекста: "Единственный человек той поры, — написано в моей статье, — заслуживший одобрительные слова Солженицына, — "солдат-генерал Корнилов". Тот самый, что в августе 17-го года намеревался установить в России военную диктатуру". Потому-то и ошибались, что борец с тоталитарным режимом и поклонник диктатуры, да еще военной, — вещи несовместные. А "мы" — это мы. Читатели. Не все, конечно, но многие.

Что же касается "скромности" Солженицына, вот что пишет об этом писатель Владимир Войнович:

"Его (Солженицына. — М.Д.) непомерная любовь к самому себе застит ему глаза, он смотрит в увеличительное стекло и видит не себя, а какого-то былинного или библейского богатыря. Он не знает себя сегодняшнего и не помнит себя вчерашнего. Когда-то он сказал, что в глазах многих людей стал уже не человеком, а географическим понятием. Понятием, равным России. Тема "Я и Россия" — сквозная в его творчестве. За Россию он всегдашний болельщик, и она в разлуке с ним долго пребывать не может. Родственников где-то в Ставрополье проведаль (в сопровождении телевизионщиков), выпил с ними по рюмке и — дальше. На просьбу родственницы: "Погостил бы еще" — без юмора отвечает: "Некогда. Россия ждет". Слава и всеобщее восхваление вскружили ему голову. Его превозносили на всех уг-

лах, как никакого другого писателя в истории человечества. Но ему и этого показалось мало. Он о себе еще более высокого мнения. Ему кажется вся его жизнь почти сплошь безупречной, полной великих художественных достижений и героических деяний. Меня и раньше корбило, но главного впечатления не заслоняло, когда он свои романы сравнивал с ослепительным светом, бьющим в глаза, когда утверждал, что его рукой (вовсе не метафорически, а буквально) управлял напрямую Всевышний".

Мнение Войновича — не единственное. Похожие суждения можно найти у писателей Льва Копелева, Александра Рекемчука и у других. Может быть, имело бы смысл к ним прислушаться? Но г-жа Гинзбург, вольно или невольно (скорее — вольно), льет подслащенную водичку на ту же мельницу непомерной любви "живого классика" к самому себе, сравнивая его с Львом Толстым. Причем сравнение это — явно не в пользу автора "Войны и мира".

В заключение — несколько слов о солженицынском Фонде, на который так упирает г-жа Гинзбург. Действительно: прекрасное и благое дело. Но и тут не все так гладко, как нам сообщают об этом из Парижа.

Я дружил с многолетним узником ГУЛАГа и советских тюремных психушек Владимиром Гершуни. Вся его вина перед советской властью заключалась в том, что он был внучатым племянником Григория Гершуни — одного из создателей партии эсеров, непримиримого противника большевиков. Выйдя на свободу, Володя страшно бедствовал, но ни разу не принял помощи от Фонда, хотя имел на нее, может быть, несколько больше прав, чем другие. Дело в том, что именно Гершуни поведал Солженицыну о многих лагерных судьбах, использованных потом А.И. в его "Архипелаге". И даже название одной из глав — "Истребитель-но-трудовые" — придумал Владимир Гершуни.

Он рассказывал мне, что отказывался (и неоднократно) от помощи Фонда по двум причинам. Во-первых, в знак солидарности с Варлаамом Шаламовым. Просидевший в сталинских лагерях четверть века, написавший об этих годах прекрасную и страшную книгу "Колымские рассказы" (она увидела свет — конечно, на Западе — значительно раньше "Архипелага"), больной и одинокий Шаламов умер в доме для престарелых безо всякой помощи. А все из-за того, что в своих воспоминаниях позволил себе толику иронии в адрес "живого классика". "Классик" оказался злопамятным: благодеяния Фонда на Шаламова не распространялись.

Такого отношения к бывшему эзку Гершуни простить "Исаичу" не мог. И не простил.

Вторая причина, по словам Гершуни, заключалась в том, что "в обмен" на денежную помощь Фонда от Володи требовалось признание всевозможных заслуг "благодетеля". Признание не последовало. Владимир Гершуни умер несколько лет назад в ужасающей нищете.

P.S. Настоящим сообщая г-же Гинзбург о том, что ее письмо опубликовано — с сохранением всех словословий в адрес нобелевского лауреата.

Марк Дейч, Москва.

"Ваша "самая популярная российская газета" (как ее представляет интернетная реклама) дошла и до Парижа.

Я живу здесь 23 года, с того самого времени, когда моего мужа, правозащитника Александра Гинзбурга прямо из лагеря, где он отбывал свой третий политический срок, вывезли на воронке, а потом в вагон-заке — в Лефортово, объявили, что лишают советского гражданства и высылают на Запад. Семье предложено было последовать за ним.

Я сообщаю Вам это не просто так "для знакомства". Дело в том, что в Вашей газете 25 и 26 сентября (2003 г. — **Ред.**) была опубликована статья под названием "Бесстыжий классик. Солженицын как зеркало русской ксенофобии". Эта хамская и лживая статья касается и меня лично, посему я и пишу Вам это письмо.

Для тех, кто еще не забыл газетные нравы советских времен, комический эффект этой хамской статьи состоит в том, что она один в один (и по тону, и по стилю, и по лексике) напоминает публикации тех незабываемых дней, где Солженицына клеймили именно как еврея Солженицера, а Сахаров именовался не иначе как Цукерман, находящийся под тлетворным влиянием еврейской своей жены! Как хорошо я помню эти статьи!

Но времена, как мы видим, меняются и сегодня и "образованец" и "необразованец" стремится зайти уже с другого фланга. Вдруг оказалось, что "Исаевич" вовсе не скрытый еврей, а напротив — "воинствующий ксенофоб", речи которого подобны высказываниям Гитлера.

И вот он уже опять под прицелом. Сегодня один пишет его "портрет на фоне", другой обличает в прессе, а самые находчивые норовят даже в Зазеркалье прорваться, чтобы разглядеть подлинное нутро этого "антисемита", выдающего себя за великого русского писателя.

Попробую и я добавить кое-какие штрихи к портрету, тем более, что тема, которой я хочу коснуться сегодня не звучит нигде: одни люди об этом, может быть, и не знают, другие — просто не хотят знать.

Начнем издали. Представим себе, что автор "Войны и мира" принял решение не брать себе гонорар за свой великий роман, а раздать его бедным приютам, сельским лечебницам, поддержать сирот или семьи несчастных каторжников. Не надо напрягать воображение, чтобы представить, как реагировало бы на это российское общество тех лет. Восхищение, гордость, поддержка. Как мир гордится Альбертом Швейцером или Нобелем.

Лев Толстой решил иначе, и это ничего не меняет в нашем отношении к великому классiku.

Ну, а в нашем-то случае что? Известно ли нашим российским современникам, что все гонорары за все издания (здесь и далее подчеркнuto автором письма. — **Ред.**) за свой всемирно прославленный "Архипелаг ГУЛАГ" Александр Солженицын отдал на помощь другим. В 70-е годы внутри тоталитарной страны, прямо в чреве этого коммунистического чудовища он создал фонд, чтобы помогать жертвам этой системы — политзаключенным и их семьям. Впоследствии, когда книга вышла на Западе, а Солженицын выслан из Советского Союза, Фонд был зарегистрирован швейцарскими властями, куда регулярно раз в год предоставляется вся отчетность.

Летом 1972 года А.Солженицын предложил моему мужу А.Гинзбургу стать распорядителем будущего Фонда. Гинзбург принял это как дело своей жизни.

Среди сотен семей, кто получал помощь Фонда, были русские, евреи, украинцы, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы, крымские татары, грузины, армяне, казахи и др. — в самых разных уголках Советского Союза.

В 1977 году А.Гинзбург был арестован, судим, отправлен в лагерь для "политических рецидивистов". А.Солженицын и его жена приняли это как свою личную беду и сделали всё, чтобы помочь освободить первого распорядителя Фонда.

После ареста мужа мне тоже довелось (до нашего вынужденного отъезда на Запад)

быть одним из распорядителей Фонда. Фонд продолжает свою работу и сегодня, он регулярно помогает нескольким тысячам престарелых и беспомощных бывших заключенных (часто еще сталинских концлагерей).

Не знаю уж, на каком основании ваш "образованец" утверждает, что Солженицын "скромностью никогда не отличался". Однако я с уверенностью могу сказать, что никогда и ни при каких обстоятельствах писатель, который вот уже 30 лет тянет эту трудную ношу, не позволил себе не только хвалиться этим, но даже просто упомянуть об этой колоссальной милосердной работе.

Ваша газета пишет: "Мы на протяжении многих лет считали "живого классика" (кавычки принадлежат автору статьи "МК") борцом с тоталитарной властью. Ошибались".

Я не знаю, какие "мы" имеются в виду, скажу лишь, что многие люди и в России, и на Западе высоко оценивают писательский талант Александра Солженицына и его роль в крушении коммунизма. Разумеется, какие-то его высказывания или мнения могут вызывать (и вызывают) споры и несогласие и здесь. Но ведь это абсолютно нормально для демократического государства — спорить, не соглашаться, убеждать. А появление статьи, подобной той, что была опубликована у Вас, просто унижает Ваших читателей.

P.S. Прошу Вас сообщить мне, будет ли опубликовано мое письмо и когда именно. Если нет, то я опубликую его в другом месте, разумеется, упомянув, что первоначально оно было предназначено именно Вам.

Арина Гинзбург, Париж.

